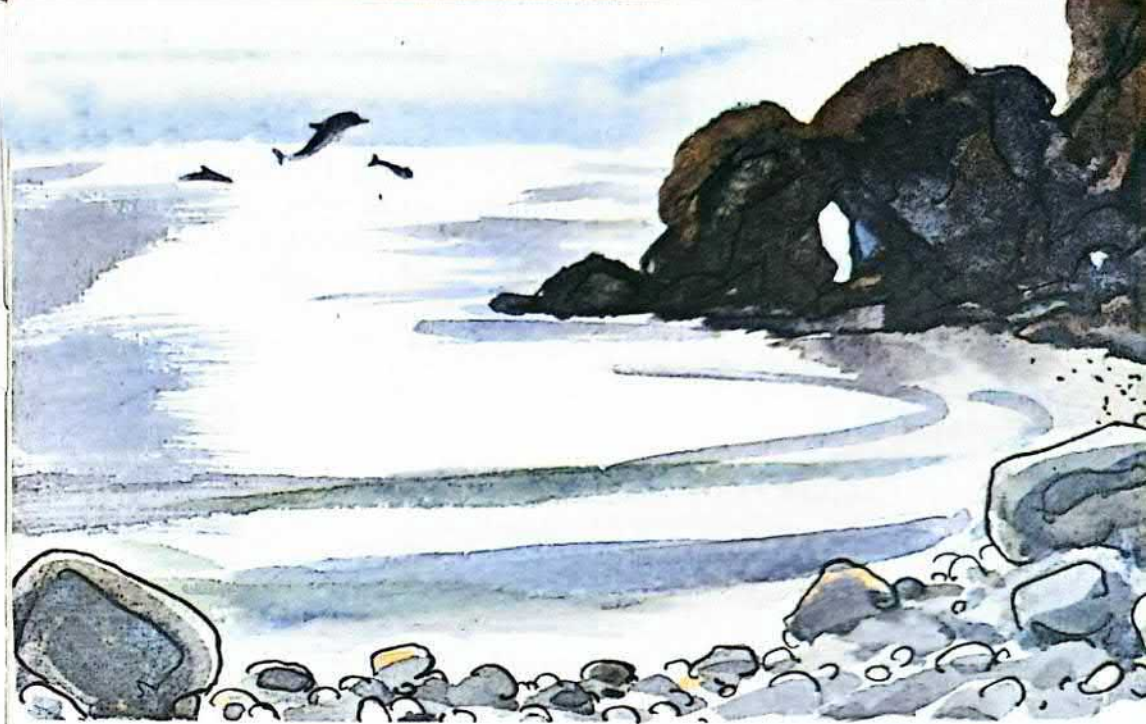

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВ

КАК Я ПОДРУЖИЛСЯ С ДЕЛЬФИНОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» 1974 г.

КАК Я ПОДРУЖИЛСЯ С ДЕЛЬФИНОМ

Тётю Люсю я очень люблю. Всегда она всё объяснит. Что такое затмение солнца? Почему вулканы взрываются? Почему глаза у кошки пылают в темноте зелёным пламенем?

— А у крокодила—багряным огнём!—добавит тётя Люся и хорошо так, серьёзно расскажет. Очень я это люблю, когда разговаривают серьёзно—потому что можно выпросить про всё на свете.

— Почему ты так много знаешь, тётя Люся?

— Я, Алёша, работаю в Доме науки.

— А почему так называется ваш Дом?

— Потому что в нём люди занимаются наукой.

— Что такое наука?

— Наука—самые главные знания. Обо всём на свете. И надо много работать, чтобы узнать хоть немного нового.

— Зачем работать? Лучше прочитать обо всём в книжках.

Тётя Люся всегда хочет быть строгой. Да не всегда

у неё получается. Вот и сейчас—губы её вдруг сами собой засмеялись, чёрные глаза зажмурились, как от солнечного зайчика, и мне почему-то стало очень весело.

— Нет, Алёшенька! Как раз учёные и пишут книги про загадки природы. Но сначала эти тайны надо разведать.

— А разве у природы остались ещё тайны?

— О, множество! На твой век хватит,—столько неведомого вокруг. Вот вырастешь—и сам увидишь, как всё это интересно: исследовать, изучать, делать открытия.

— А если я хочу изучать сейчас? Где взять тайну?

Тётя Люся засмеялась:

— Тогда исследуй: когда, как, почему, зачем и сколько раз в сутки умывается кот Кузя. Это—тоже наука.

Что-то во мне нахмурилось—не люблю, когда говорят, как с маленьким. Тётя Люся увидела и сразу стала серьёзная, как учительница.

— Я не шучу вовсе. Изучать животных—это моя работа. А хочешь настоящую тайну—возьми эту кассету... Слушай и думай...

ТАЙНА ТАИНСТВЕННЫХ ГОЛОСОВ

Я посадил кассету в магнитофон, нажал кнопку. Ленточка-плёнка полезла по роликам медленно, как ползёт с ветки на ветку ленивая древесная змейка. Вдруг засвистел магнитофон, защебетал, защёлкал... Но как-то совсем не по-птичьи! И воробьи за окном, услышав его, удивились и замолчали. Что это?

Тётя Люся ответила тихо:

— Это голоса дельфинов. Дельфины помогли мне однажды, когда я работала на дне океана.

— А как помогли?

— Так, была у меня под водой маленькая неприятность.

— А что ты там делала, на дне? И о чём свистят дельфины?

— Ой, Алёша, я побегу на работу в наш Дом науки. Думай пока сам!

И я задумался... Я люблю так играть—внутри себя. Мечтать, как говорит тётя Люся. Думай—и не соскучишься никогда! А закроешь глаза—увидится и услышится всё, что думается. Как в кино. Сейчас я вижу море. Как прошлым летом, когда я жил на юге. Море, большое и синее, грелось под солнцем и шевелилось. Вдруг длинные чёрные искры замелькали далеко, у горизонта, где небо сливается с морем.

Кто-то крикнул: «Дельфины!» Я кинулся к морю—но чёрные искры потухли. Я хотел поплыть, я умею и кролем, и брассом!

— Дельфин защекочет! Искромсает острым плавником!—зашумели на пляже.—Дельфин—дикое животное! Да ещё морское!—И меня не пустили. И я не увидел дельфинов! Хотя долго-долго смотрел в даль моря, откуда приходят волны и дует солёный ветер, где живут дельфины...

Я знаю, я слышал как-то, что дельфины—особенные. Что вот всех сильных диких животных надо остерегаться: не трогать, конечно, но и не соваться к ним близко, не дёргать за хвост. Потому что не только медведь или тигр—даже лось может с перепугу напасть, истоптать острыми копытами. Но сильный зубастый дельфин не сделает плохо человеку! И если плывёт он к тебе—значит, ему просто любопытно. Так говорил мне кто-то... Но почему он такой... никто не сумел объяснить.

Хорошо бы позвать дельфина—поиграть, поплавать вместе, понырять! Но—как? Он людей не понимает...

БЕДА ДЕЛЬФИНЧИКА

Хлопнула дверь—тётя Люся вернулась с работы. Грустная, усталая.

— Плохо, Алёша, нашему дельфину,—тихо пожаловалась она...

— Какому дельфину!?—подпрыгнул я.

— Привезли его к нам три дня назад. Пионеры нашли его на берегу моря. Заигрался у берега—и угодил на камни.

Бывают в дельфиной жизни такие несчастья. Лежал он долго, бился, рвался домой в море, стучал хвостом о камни — а всё без пользы: ног ведь нет. Измучился и ослабел...

И когда подняли люди дельфина, пустили в море, увидели — нельзя! Плох дельфин, захлёбывается, тонет! Нет у него сил плыть! Хоть и родился он в море, хоть мама-дельфиниха и кормила его молочком прямо под водой, хоть и лучший он в мире пловец, — но всё равно утонет от слабости. А долго под водой быть не может — дышит ведь он, как мы с тобой, воздухом. Таков дельфин, морское млекопитающее, никак ему нельзя и без воды и без воздуха.

Закутали его люди в мокрое мягкое одеяло — и к нам. Лечите! Посадили мы его в тёплую ванну, помазали ранки мазью, сделали целебный укол. И поплыл дельфинчик! Стал жить в нашем бассейне.

А всё равно плохо: пищу не берёт, прячется от нас, ныряет, когда мы подходим... И молчит, и слабеет... Не понимаем, чего он хочет. И не умеем объяснить ему, чтоб не боялся.

Что делать? Ведь погибает — прямо на глазах!

— А он во что-нибудь играет? — громко сказал я вдруг.

— А ни во что, — вздохнула тётя Люся. — Не хочет он с нами водиться. Наверно, мы забыли, как надо играть по-настоящему.

Сердце во мне застучало.

— Так давайте я поиграю! Я умею играть лучше всех во дворе!

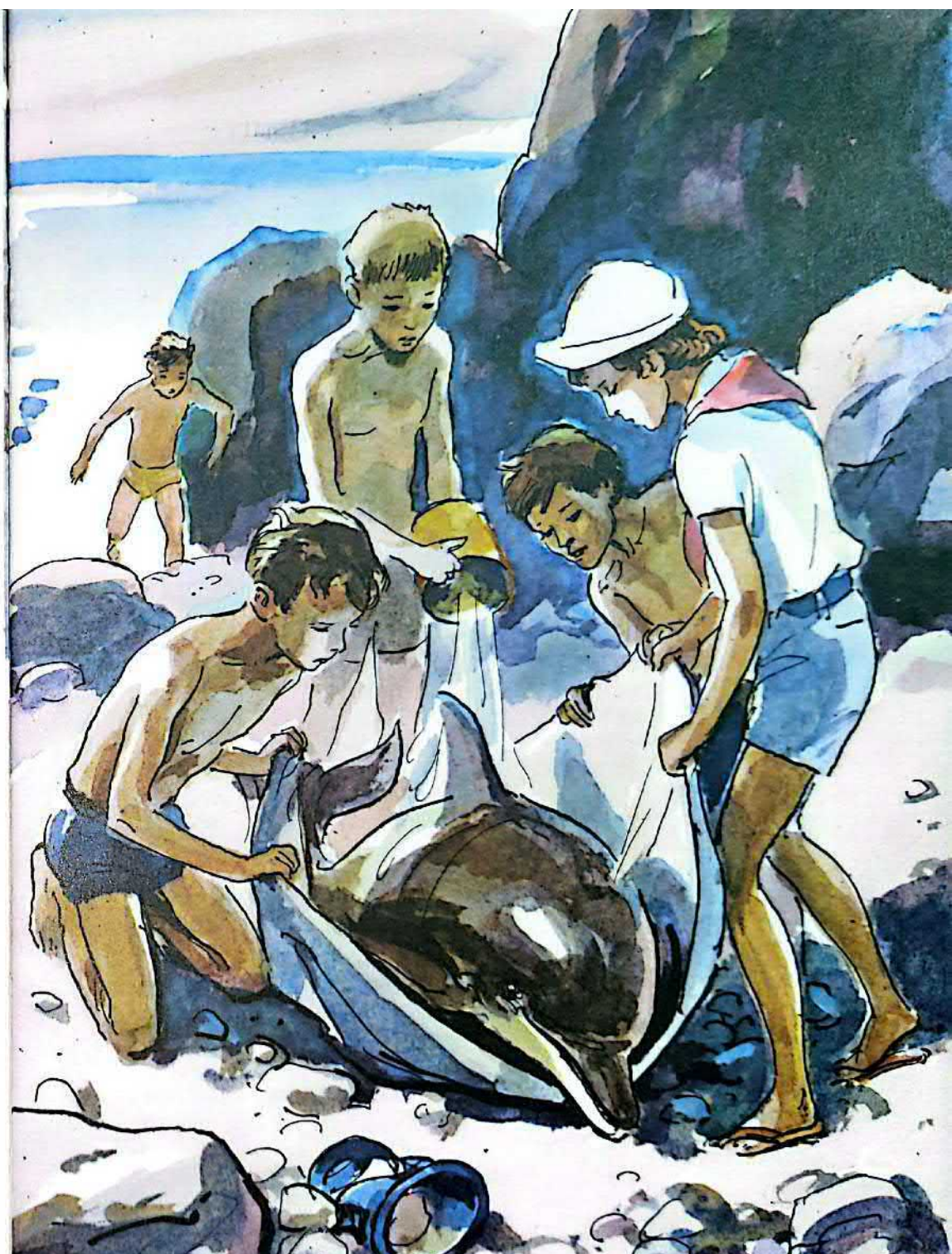
Тётя Люся задумалась.

— Попробовать можно, — сказала она серьёзно. — Дельфины маленьких людей любят. Но придётся один на один играть! Не испугаешься?

Всё во мне как будто оборвалось: сказала-таки, что я — маленький. Но я докажу. Я ничего не боюсь:

— Едем скорее!

— Ночь на дворе, нельзя, — сказала тётя Люся и ушла читать свои научные книжки. А я задумался: вот миллионы, миллионы дельфинов на всех морях и океанах дремлют сейчас между волн, меж этих живых солёных гор, все вместе,

счастливые. Только наш дельфинчик один-одинёшенек, голодный—не спит... Не может спать!

Но почему его привезли в Дом науки? И я пошёл к тётё Люсе—узнавать. Она читала толстую книгу, да ещё без картинок, и что-то быстро записывала в толстую тетрадку. Так она делает каждый вечер. Оказывается, учёные—всю жизнь учатся! Потому что хотят всё знать.

— Потому к нам прислали дельфина,—ответила тётя Люся,—что у нас изучают их жизнь, узнают их тайны.

— А зачем это нужно?—спросил я.

— Как?—удивилась тётя Люся.—Должны же люди знать ВСЕ! Это интересно. И очень нужно!

— Почему? Разве дельфины полезные?

— Они удивительные. Ты знаешь, что дельфины мчатся по морю страшно быстро? Пароходы перегоняют играючи!

— А почему?

— Потому, что они обтекаемые, у них кожа особенная, какой ни у кого в мире нет. И вот изобрести такой материал, похожий на дельфинью кожу, мы ещё не умеем. А надо суметь! Чтобы были у нас быстроходные, как молния, корабли.

А знаешь ты, что дельфин с закрытыми глазами может поймать любую рыбёшку, самую юркую?

— Вот кому в жмурки играть!

— Да! Но это—ещё одна дельфинья тайна. Мы её исследуем. Этот секрет надо поскорей разгадать до конца, чтобы сделать себе такой же умный прибор.

А знаешь ли, какие дельфины умницы? Как они любят друг друга? Как выручают другого дельфина, если тому плохо? И человеку тоже не дают утонуть, если заметят такое несчастье! Толкают наверх, на воздух, пока не спасут.

— Так вот оно как... Но почему они такие?..

— Об этом завтра поговорим! А сегодня ты должен выспаться, чтоб наутро встал весёлый и сильный. А если будешь сонный и скучный, дельфин к тебе повернётся хвостом.

Раз так—скорей под одеяло! Но ещё долго думалось про океан. И казалось мне, что я—разведчик тайн плыву в глубине... Совсем один.

Темно... Мой акваланг пускает воздушные пузыри, они бурлят, летят вверх, где шевелятся волны. А внизу подо мною—чернота бездонная... Холодная солёная вода со всех сторон навалилась на меня и давит...

Я размахиваю ногами и плыву. Тяжёлые научные приборы похлопывают меня по бокам. Но какая же чёрная тишина вокруг! Ах, ведь тётя Люся говорила: под водой надо одевать прибор—электронное ухо. Ну-ка!..

О-о-о-о! Как сразу ожила толща океана! Как загомонила, запищала, закрипела. Но кто это скрежещет и щёлкает? И будто бы топочет? Здесь, в глубине океана, кто может топтать?! Здесь же ни у кого нет ног, только у меня! А, это электронное ухо услышало голоса рыб, которых просто так не услышишь. А может, не рыбы это вовсе, а десятирукие кальмары-гиганты кружат в холодной темноте вокруг меня. А я один!

И вдруг переливчатые дельфиньи голоса окружили меня, будто стеною. И сразу отлетела тревога—это друзья! Они

приветливо свистят, выпуская из макушек красивые струйки воздушных пузырьков, мелких, как бисер.

Они сплывают рядом, сверху, снизу — они меня защитят в случае чего.

То один, то другой дельфин вдруг кидается свечкой наверх, к небу — ведь у них нет запаса воздуха в акваланге, как у меня. Им нужно передохнуть, набрать воздух в лёгкие — и снова нырнуть ко мне, в глубину океана.

И вдруг они умчались. А я остался — снова один... Эх, позвать бы их назад, но как? Они меня не понимают. А в океане без друзей так плохо... И я заснул.

ЕДЕМ В ДОМ НАУКИ

Рано утром я выскочил на улицу. Тётя Люся ждала меня в машине, за рулём. Я запрыгнул на переднее сиденье, и мы рванулись. Я посмотрел вперёд — дорога как будто прыгала на машину, так мы мчались! Скорей, скорей в Дом науки. Спасать нашего дельфина.

— А дельфин вернётся в море, если вылечится?! — крикнул я громко, потому что мотор рычал и выл.

— Конечно! Только сначала мы попробуем разгадать главную дельфинью тайну!

— А разве есть главная?

— Конечно! Мы покоряем океаны! Мы будем жить на дне морском! Кто нам поможет под волнами? Дельфины, больше никому. Но для этого мы должны их понимать. О чём они свистят и щебечут под водой? Что это за тайные сигналы? Может, если мы разгадаем их, дельфины будут нас слушаться?

Всё, всё у дельфинов интересно и удивительно, всё нужно знать. Мы построили электронную Машину. Она поможет понять дельфиньи голоса! Ах, если бы наш дельфин поправился! Только бы он перестал молчать!..

Вдруг перед нами засверкал на солнце белый огромный дом, похожий на айсберг, на такую плавучую ледяную гору. Мы затормозили, выскочили и вбежали в Дом науки. Там

всё тоже сверкало: окна, большие как стены, и железные двери, и медные провода, и белые халаты на людях. Тётя Люся тоже надела халат и объяснила: чистота в науке — прежде всего!

Все учёные весело здоровались с нами: «Здравствуйте, Людмила Николаевна!» Тётя Люся тоже здоровалась и наклоняла голову чуть-чуть, а чёрные волосы её сверкали искрами, когда мы пробегали мимо окон и попадали в яркое солнышко. Как много окон! И дверей!

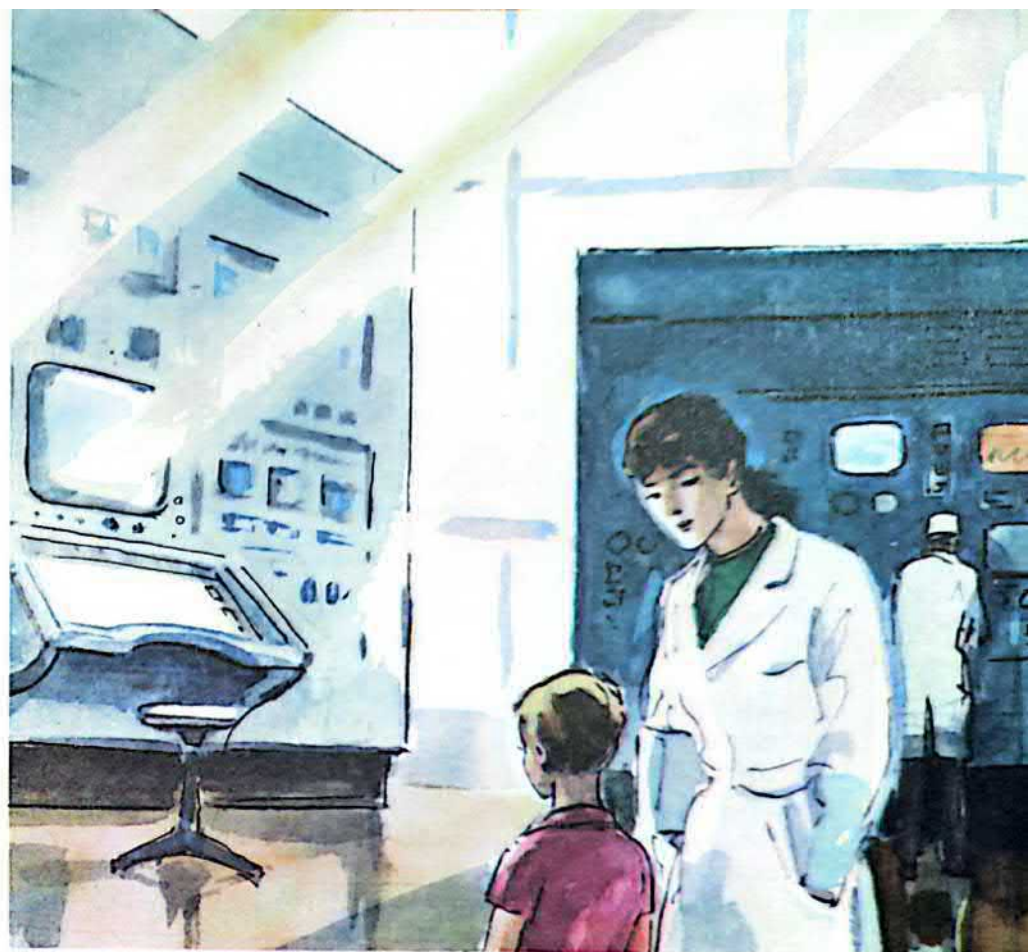
— А почему так много комнат в Доме науки?

— Потому что у природы много загадок. И в каждой комнате — своя тайна, которую там разгадывают.

— А правда, наша тайна — самая интересная?

Но тётя Люся не ответила. Она быстро стучала каблучками — скорей, к дельфину. И всё хотела повести меня за ручку. А я — как будто не замечал. Не маленький.

Мне быстро шлось, и плясал в моих ногах весёлый холод, какой бывает перед соревнованиями в нашей спортивной шко-

ле. Когда ты весь на пружинках, когда так и тянет прыгнуть в бассейн, ударить по воде руками и ногами и всех, всех обогнать. Сейчас я увижу дельфина! А вдруг я сам, без электронной Машины, угадаю, что он хочет?! Вдруг я первый в мире пойму по-дельфиньи!

Я И МАШИНА

Мы вошли в лабораторную комнату, большую, как поляна. Я сразу узнал электронную Машину. Она стояла, как новый дом, и вся сверкала электрическими огнями. Одни огни

прыгали с места на место. Другие сидели смирно и мерцали, как льдышки. А третьи вертелись, как колёсики. А сколько кнопок на Машине!

Из-за железных рёбер Машины ровно дул тёплый ветер — наверно, она так дышала. Вокруг Машины толпились приборы, щёлкали, жужжали. Всё было непонятно, один только телевизор подмигивал мне, как старинный друг-приятель. «И всё это — для одного дельфина?» — подумал я...

Машина грозно гудела — наверно, в ней клокотали сердитые машинные мысли. Ей так хотелось разгадать что-нибудь! Но разгадывать было нечего. Дельфин молчал.

Два богатыря в белых халатах громко о чём-то спорили. У одного борода была рыжая, у другого — чёрная. Увидели нас — стали смирно, как солдаты:

— Здравия желаем, товарищ Дёмина!

Тётя Люся сделалась такая строгая, какой я никогда ещё не видел её:

— Как Машина? Как дельфин?

— Машина ждёт работы. Дельфин молчит.

Тётя Люся подбежала к Машине, положила на неё руки, заиграла на кнопках, как на пианино. Машина загудела громче, потом тише, потом вовсе замурлыкала. Тётя Люся улыбнулась наконец:

— Всё в порядке. Алёша — готовься! Сегодня ты будешь наш Младший Научный Сотрудник.

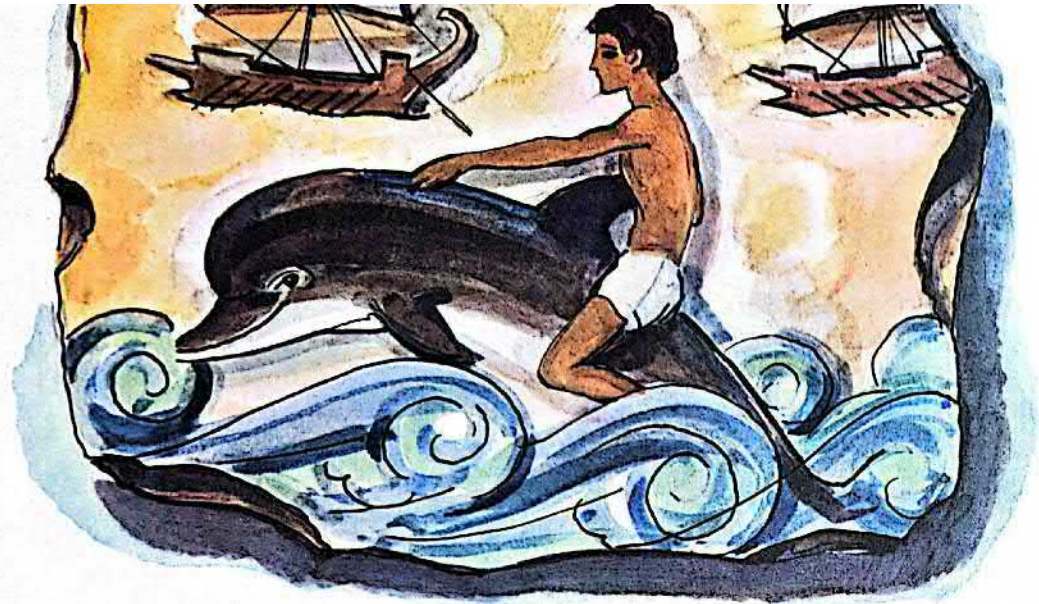
Что же, научный сотрудник — это хорошо. Но лучше бы я хотел быть как древний мальчик, который жил давно-давно на берегу тёплого моря. Так рассказывала тётя Люся. Мальчик подружился с дельфином и играл с ним. А когда спешил в свою древнюю школу, то кричал на своём древнем красивом языке: «Симо! Симо!» («курносый», то есть). И дельфин приплывал, и сажал мальчика на спину, и мчал по волнам до школы, и успевал в самый раз.

— Я хочу к нашему дельфину поскорее.

— Одну секундочку! — сказала тётя Люся. — Надо ещё испытать электронную Машину. Пусть она изучит твой голос, раз дельфин молчит. Спой Машине песню.

— Какую?! — удивился я.

— Всё равно, — и она включила Машину, и сверкающее зеркальце наставилось на меня. Я запел мою любимую, океанскую: «Славное море, священный Байкал! Славный корабль, омuléвая бочка!» — И Машина в лад песне мигала огоньками.

Когда кончилась песня, Машина стукнула, щёлкнула — и подарила нам длинный лист звенящей бумаги. Пёстрые узоры красовались на листе.

— Что это?

— А это твоя песня. Машина её нарисовала. Превратила звуки в картинку. Понимаешь? — хитро подмигнула Рыжая борода.

А я засмеялся: когда я был маленький, то думал, что слова — разноцветные. Вот «Алёша» — слово красное, как алая заря. А «Люся» — слово жёлтое-жёлтое и ярко блестит, как лютик на солнце. Я играл так внутри себя. А умные Машины, оказывается, могут рисовать из звука узор. А что такого?

— Я где-то слышал, что когда мы поём и кричим, воздух, оказывается, дрожит, И от дрожи той как раз и получается звук. Чем громче поём — тем сильнее трясётся воздух. А от этого трясения барабанные перепонки в ушах начинают дребезжать, как стёкла в окне, когда мимо трамвай едет. Так мы слышим звуки.

Наверно, у Машины тоже есть перепонка, только другая,

не такая, как у нас. Можно, я потом всё развину и посмотрю?

— Ну, парень! — удивился Рыжая борода, — всё-то ты знаешь! Да, Машина слышит звуки и рисует их на блестящей бумаге.

Голоса бывают разные: громкие и тихие, тонкие и толстые. И узоры этих звуков выходят у Машины тоже разные. Вот и звуки дельфина она нарисует, а мы посмотрим на эти узоры, подумаем из всех сил — и тайна дельфиньих сигналов приоткроется.

— Но наш дельфин молчит, — вздохнула тётя Люся. — Алёшенька, теперь вся надежда на тебя. Успокой, развесели его. Вот тебе халатик, самый короткий. Надевай, иди!

Я посмотрел... Белый халат... Докторский... Не хочется надевать. Почему? Не знаю. Не хочется, и всё. Может, дельфин ещё маленький? Может, ему три годика только — знаете, как тогда бывает страшно от белого халата? И я вылез из пыльных сандаликов и одежды и в одних трусиках пошёл по длинному коридору к далёкой белой двери...

Голоса людей и приборов умолкли. Я был один. За белой дверью притаилась тишина. Шлось мне медленно. Ноги переставлялись всё тяжелее.

«Трушу, что ли? — подумалось. — Да никогда в жизни! Древний-то мальчик — он не боялся!» — И я толкнул белую дверь.

В ГОСТЯХ У ДЕЛЬФИНА

Там было пустынно и бело. Тепло и гулко, как в пустой бочке. Белый свет лился откуда-то. Неба не было видно — только белый потолок. Где это я уже видел?

Посередине всего прозрачно плескалась большая вода. И в ней грустил дельфин. Он колыхался в уголке своего пустого каменного бассейна такой одинокий. И я вспомнил, где это я всё видел. В больнице, где меня долго лечили, когда я был маленький. Я жил там один, без мамы. Всё было белое и чистое, и давали вкусное... Но почему-то ничего не елось.

Хотелось всё сидеть в уголке кровати, в домике из одеяла. Иногда плакать или петь себе тихонько под нос, чтобы никто не слышал...

Плохо одному, без мамы. Плохо без дома, без моря...

Медленно-медленно, игрушечными шажками подошёл я к бассейну. Отодвинул какой-то пёстрый мячик, ведёрко с едой.

Так вот он какой, дельфин... весь передо мною. Я вижу его круглую серую спину, и острый, как широкий кривой топор, плавник на спине, и хвост, как русалочий, будто из двух крылышек, и зажмуренный глаз у самого уголка длинного рта...

Спит? Или тоже играет внутри себя? Видит море, волны над головой?..

— Дельфин! Дельфин! — позвал я потихоньку. — Дельфинка! Открой глазки!

Нет, не хочет, не хочет открывать!

Вдруг веки дельфинчика дрогнули, и тёмный глаз печально глянул на меня!!!

Сердце моё заколотилось! Я тихо лёг и протянул руку. Не очень далеко.

Он долго смотрел на меня, на мою руку... И вдруг шевельнул своим ластом! Станный, дрожащий звук раздался в нашей тишине.

Я вздохнул. И он вздохнул. Дырка на макушке, через которую он дышит, жалобно поморщилась. Я тихонько хлопнул по воде ладошкой, и он тихонько хлопнул хвостом. Я шлёпнул сильнее, и он шлёпнул сильнее!

Я засмеялся и брызнул водою в дельфина. Он плавно повернулся ко мне своей головой, своими тёмными глазами, как-то странно глянувшими на меня из-за длинной пасти...

И всё это — и глаза, и пасть, и блеснувшие зубы — всё тихо и плавно поехало прямо на меня! Зачем?! Чего он хочет?! Всё затряслось во мне, но рука не убралась! Дельфин не обидит человека!

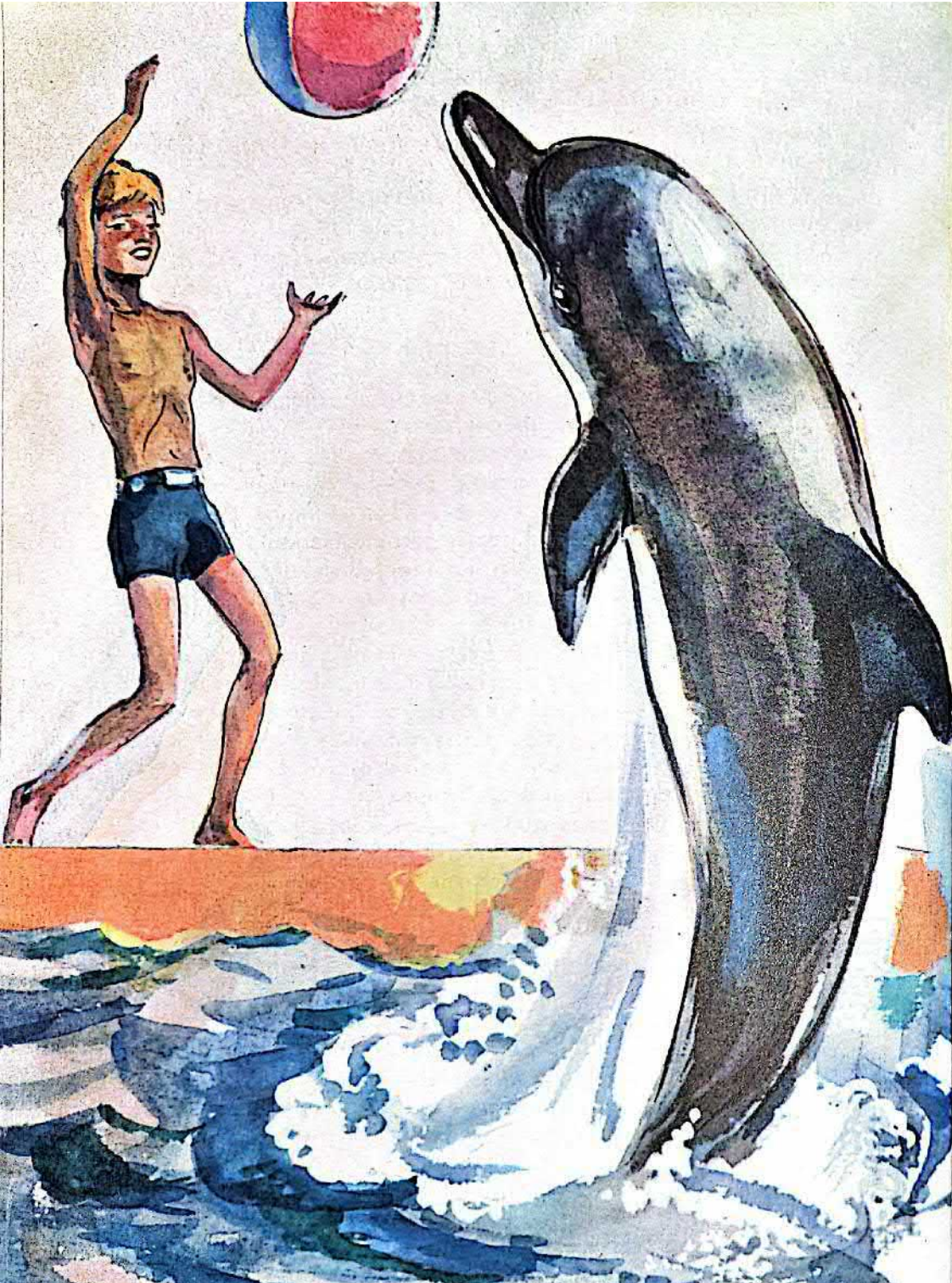
А он подплыл ко мне и вдруг тихонько засвистел...

Что, дельфинка? Что ты хочешь? Он шевелился и свистел всё тише. Тогда я погладил его по серой спине. Он сразу затих и стал потихоньку поворачиваться на бочок, выставляя белое брюшко со смешным пупком посередке. И шевелился и вздрагивал — как маленькие люди, когда они плачут.

А я радовался, потому что он, оказывается, здоров. Просто некому было поиграть с ним: все хотели его накормить, и больше ничего. Я гладил его гладкую, как мокрый мячик, кожу и шептал, что всё будет хорошо. А сердце дельфина тихонько постукивало у меня под ладошкой. А как зовут его? Даже имя ему не придумали! Пусть ты будешь... Аля.

И вдруг он отпрыгнул! Сердце моё замерло: обиделся? А он выставился из воды, протянул ко мне свой длинный рот, весь в белых ровных зубах, и зачмокал.

Что, что ты, Аля? Кушать тебе? Я побежал к ведёрку, где лежала дельфинья пища, но зацепил ногою мячик. Он — бух в воду! Аля изогнулся, подхватил мячик носом и швырнул мне прямо в руки!

Ах, так вот оно в чём дело! И мы заиграли! Солнце вдруг прорвалось к нам! Загорелись всюду весёлые мокрые звёзды, всё засверкало — и Алин бок, и брызги, и волны, и мяч.

Аля кувыркался и блистал, будто облепленный весь зеркальцами, и выпрыгивал за мячиком, и кидал в меня хвостом целые охапки тёплой сверкающей воды. Он, наверное, свистел, но ничего слышно не было. И я тоже прыгал, и кричал всё громче, и сам свистел, и эхо кувыркалось под потолком, как летучая мышь! Мы играли!

Когда мы устали, я вспомнил, что надо кормить дельфина. Нашёл ведёрко, достал кусочек рыбы.

Аля тоже уgomонился, осторожно открыл свой длинный рот — ух, какая глубоченная пещера! И язык дельфиний шевелится в ней: есть хочу!

И я покидал туда всю рыбу, а дельфин только глотал да моргал. Странные у него веки — ни одной реснички. Но зачем они ему? Всё равно под водой потеряются. И брови не нужны. И даже уши надо убрать — вовнутрь. Потому что, когда мчишься по океану быстрее урагана, ничто не должно цеплять за воду. Ни единая щетинка. Надо быть хорошо обтекаемым. Я знаю, я сам пловец. Был бы я обтекаемый, как Аля, я бы всех в мире обогнал и был бы чемпион.

Зато когда я вырасту, придумаю корабль, похожий на дельфина. Ух, как понесёмся тогда по волнам и под волнами! Только бы разузнать дельфинью тайну скорости...

И я показал Але пустое ведёрко — молодец, говорю, всё съел. Он понял, плеснулся и уgomонился. Широкая спина его колыхалась у моих ног. Эх, прокатиться бы! А как же плавник-топор на спине? Я потрогал его лезвие — режется? Плавник был нежный-нежный! Я уже хотел бултыхнуться в воду, но вдруг испуганный голос тёти Люси выпорхнул откуда-то: — Алёша! Нельзя! Напугаешь дельфина!

Эх, никогда не дадут поиграть как следует! Но что поделаешь — нельзя, так нельзя. Я присел. Аля насвистывал... тихо-тихо... и весь улыбался. Чего он хочет? Что просит?

— Приду завтра, завтра, завтра, — повторял я. И вдруг он тихонько потёрся головой о мою ладошку... и замер.

Я погладил его крутой лоб. Аля зажмурился—и... задремал... Наверно, устал очень... Он стал незаметно тонуть, уходить от меня на дно... Потом шевельнул во сне хвостом, колыхнул прозрачную воду, выплыл, вздохнул—и снова стал утопать. Так, оказывается, он спит.

Интересно, какие сны он видит?

Я помахал Але рукой, тихонько отворил белую дверь и вышел из нашей дельфиньей комнаты.

МЫ РАСКРЫВАЕМ ТАЙНУ

Все радовались: Машина гудела и весело подмигивала тысячами разноцветных глаз. Богатыри в белых халатах крикнули: «Алёше—ура!»—и принялись меня растирать мохнатым полотенцем, и щекотать бородами, и весело хвалить: «Ну, парень! Удружил! Никто не мог—а он сразу дельфина расшевелил. У тебя прямо талант дельфиньего дрессировщика!» А я сказал, что никакой я не дрессировщик, а просто я Алё люблю. Вот и всё. Они переглянулись и сказали:

— А ведь он прав!

— Внимание!—скомандовала тётя Люся.—Продолжаем работу. Дайте, пожалуйста, момент игры в мяч.

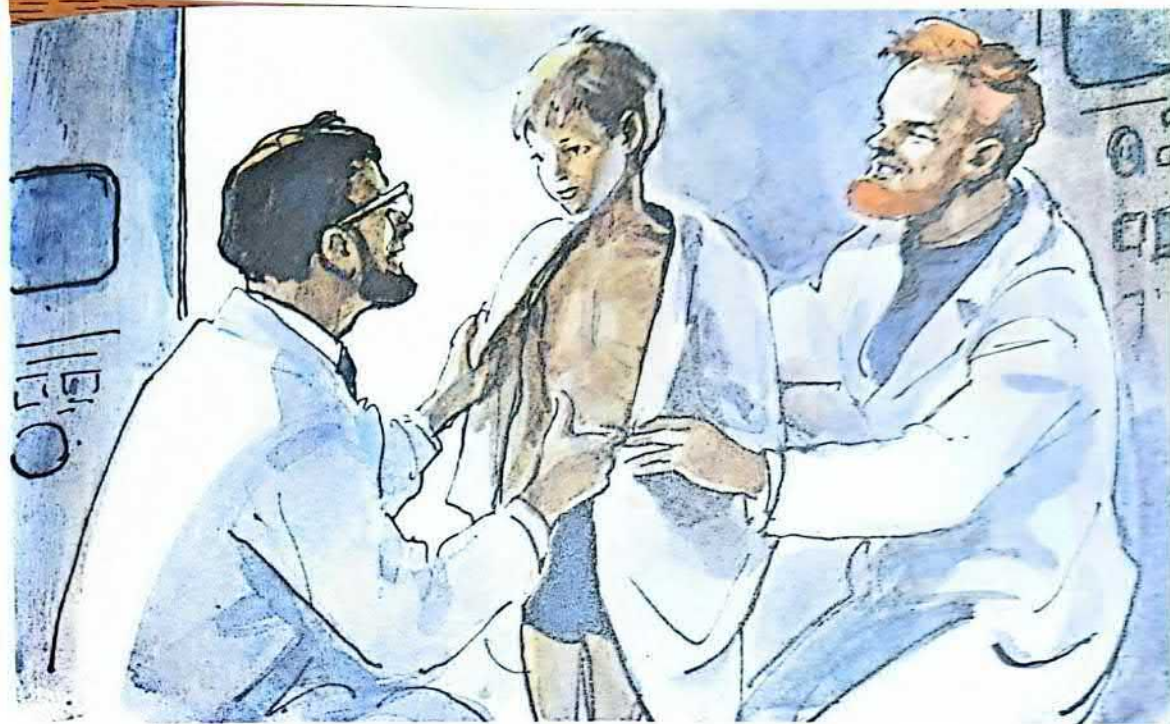
Телевизор мигнул, и я увидел на его экране, как крохотный человечек кидает мячик дельфину. Это был я с Алей! Учёные уже сделали из нас кино!

— Смотрите, как интересно!—звонко крикнула тётя Люся и захлопала в ладоши.

Мы сбежались. Богатыри стали водить пальцами по красивым узорам на звенящей бумаге, и радоваться, и спорить, и объяснять что-то друг другу. Это Машина нарисовала голоса—Алин и мой. Я посмотрел на мои кружевные крики и свисты... потом на дельфиньи... Как похоже!

— Смотрите, смотрите на узор голосов!—гудел Рыжая борода.—Вот свистнул Алёша—и Аля тут же повторил! Наверно, Аля решил, что с ним говорят!

— Нет! Ничего он не решил. Он просто понятливый зверь и подал голос на Алёшин крик,—возразил Чёрная борода.

И богатыри заспорили так громко, что я совсем оглушился.

— Ти-ши-на!—строго сказала тётя Люся.—Продолжаем анализ эксперимента. Давайте вспомним для сравнения нашу старую подводную запись.

Дядя Рыжая борода затемнил окно, включил трескучий аппарат. На белой стене запрыгал свет.

— Кино?

— Оно самое. А снимала его на дне морском тётя Люся,—шепнул мне в ухо Рыжая борода.—Нас послал в экспедицию Дом науки. Изучать, как рыбы в море живут. И вот однажды Люся взяла аппаратуру, нырнула в море, стала снимать кино про рыб...

Голос его тихо рокотал. Я смотрел не мигая и видел, как рыбы парят в воде стройными густыми толпами. Голова к голове, хвостик к хвосту. И поворачиваются все вдруг, как лёгкие стрелы. Кто у них командир? И что за писк и гуд слышны в стае? Ах да, это рыбы голоса.

Вдруг стая метнулась, как испуганное облако, исчезла. И тяжёлая, как живое бревно, поднялась из пучины акула. И примериваясь злобным глазом, стала тихо рыскать... Всё ближе, ближе... И вдруг разинула чёрную, обросшую зубами пасть — и кинулась на тётю Люсю!

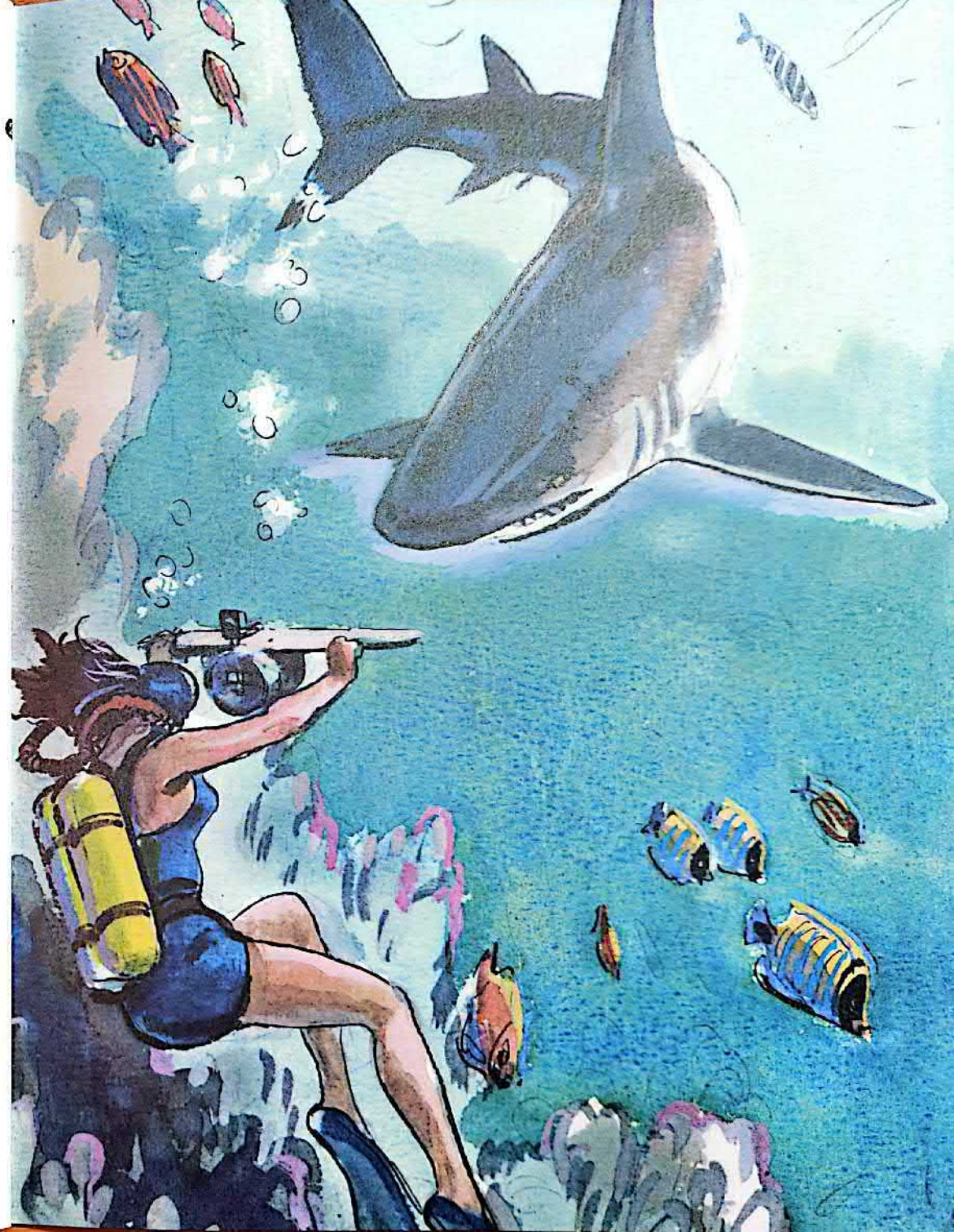
Я крикнул и зажмурился. Рыжая борода поерошил мне волосы, оторвал руки от лица.

— Ну, ну, ничего, — рокотал он. — Люся же не испугалась, ударила акулу тяжёлым аппаратом по рылу! По зубам! Смотри, что дальше было.

Но я не мог смотреть — глаза жмурились, жмурились. И вдруг знакомый свист зазвенел у меня в ушах! Глаза разлепились — летучий хоровод кружился вокруг тёти Люси! Дельфины! Они закрыли её от врага!

А это кто? Изю всех сил машет ногами-плавниками, в руках копё? Но тут кино кончилось.

— Это был я в подводном боевом снаряжении, — сказал Рыжая борода. — Я подоспел и загарпунил акулу. Но никогда не прощу себе, что опоздал на эту страшную минуту.

— А почему вы опоздали? — сказал я сердито.

— Под водой за сто шагов уже ничего не видно. Вот и не заметил акулы.

— А почему же дельфины заметили и успели?

— Потому что у них есть такое тайное средство для подводной жизни. Они вроде бы видят ушами.

— Как это?

— А так: дельфин скрипнет — мы не знаем даже толком, чем и как, — и слушает эхо своего скрипа. И узнаёт по эху, кто перед ним, перед дельфином, плывёт.

— А почему под водой взялось эхо? Оно же только в лесу живёт и в больших дворах!

— Нет, не только. Эхо — это звук, который отразился и вернулся к нам. Например, солнечный зайчик — это свет, который отразился от зеркала, от воды. А эхо — это звук, отражённый от стены, от деревьев.

Под водой тоже есть звуки — значит, есть и эхо. А дельфины умеют слышать эхо даже от маленьких рыбок. Прямотаки видят этих рыбок своими ушами. А как это они умеют — пока ещё не понятно. Но мы всё, всё раз узнаем!

— Конечно. Но почему тётя Люся не уплыла от акулы?

— Потому что противно удирать от рыбы. Да и встречать врага надо лицом, а не спиной. И ещё — Люся хотела узнать, как нападает акула. Учёный — он всегда занят наукой. Даже когда его хотят съесть.

— А почему дельфины налетели на акулу?

— Как почему? Спасали Люсю.

— Почему? Так они нас, людей, любят?

— Видишь ли, быть может, им кажется, что люди — это тоже дельфины. Только очень странные, на дельфиний взгляд: без хвоста, с длинными неуклюжими лапами. Но всё равно — мы для дельфинов — свои. И поэтому, наверно, они такие...

приветливые к нам. Вот они и плывут к людям поближе, если их не пугать и не пугаться. И вступились за Люсю, как за слабого дельфинёнка.

— Ну, а если б вас не было с гарпуном, что тогда?

Рыжая борода нахмурился:

— Никогда так не будет! Мы всегда вместе! А вообще дельфины драться умеют, коли надо. И Люсю не дали б в обиду. Это к человеку дельфин ласков, а с акулой—ого-го! Кинется молнией—и бац акуле в жабры головой! И ещё, и ещё! Дельфины знают, что на акульей шкуре броня из острых шипов, вот и лупят в жабры. А ты представь, какой это ударчик, а! Если дельфин разгонится, как ураган, и головой на полном ходу ахнет!

— Когда узнаем дельфиньи сигналы,—сказал я вдруг,—я созову дельфинов, и мы разгоним всех опасных акул!

— Очень может быть,—кивнул Рыжая борода.—Но маленьких акул мы оставим: это рыбы интересные, да и полезные—они санитары в океане, чистят его.

— А если ураган погубит наш корабль—я дам сигнал: «Всем, всем, всем дельфинам! Помогите людям!» И слетятся морские силачи, и отыщут людей среди страшных волн, и подхватят. А там и наш спасательный катер подоспеет.

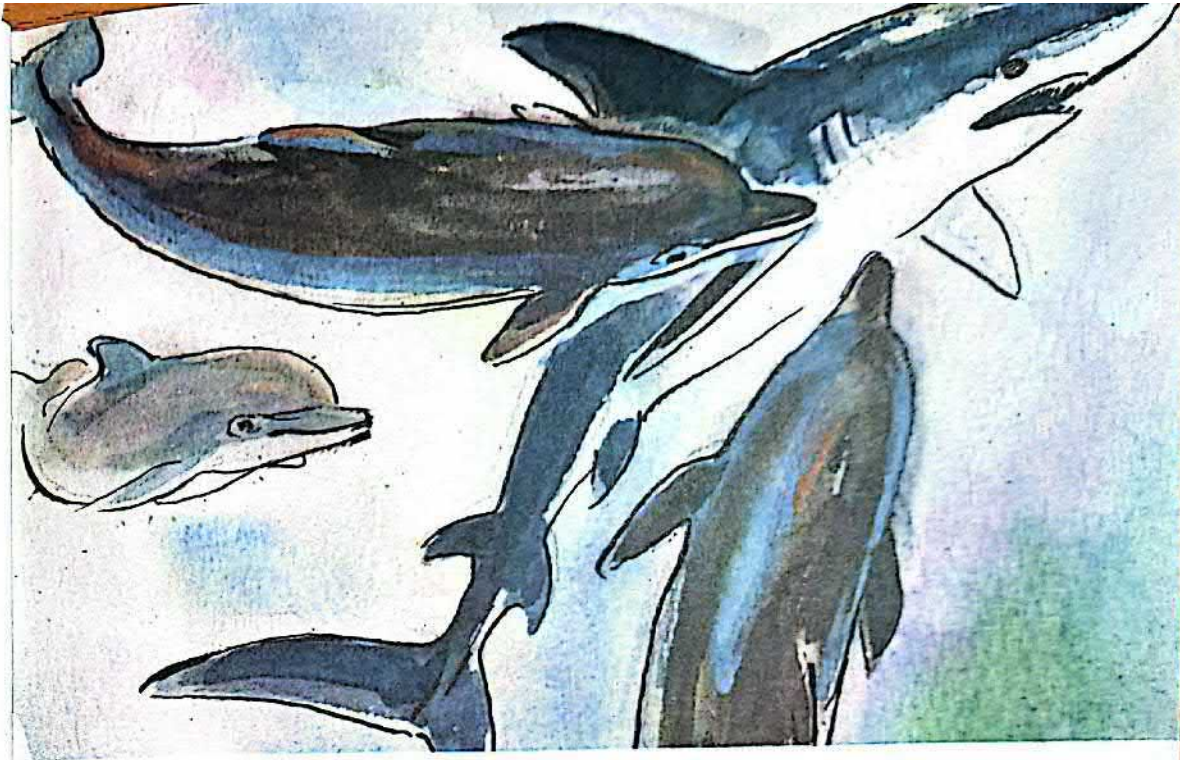
— И это не исключено,—снова кивнул учёный.—Есть такой сигнал у дельфинов. Вроде «тону, тону, тону». И все они несутся на этот зов, спасать попавшего в беду, и вытаскивают его кверху, покуда сам не поплывёт.

— А вот ещё—забыл спросить: почему у Али, такого большого, такой тоненький голосок, еле слышно?

— Тоже страшно интересная проблема, Алёша! Да, удивительный у дельфина голос—тонкий, высокий, как мы говорим. Такой высокий, что человек только чуть-чуть может уловить его невооружённым ухом. Вот мы и городим прибор на приборе, оснащаем наши уши, чтоб лучше услышать дельфинов. А для них этот тоненький свист и громок, и ясен, и приятен. Такие они слухачи—на удивленье!

— А что с Алей теперь будет?

— Всё нормально. Окрепнет, поработает с нами—и отвезём его домой, в море. Ещё встретитесь когда-нибудь!

Нравится мне Рыжая борода! Вот настоящий учёный— всё знает, на всё отвечает. А если не знает—так прямо и признаётся. И какой хороший—столько мы разговариваем, а он ещё не сбежал от меня.

— А почему...

Рыжая борода вдруг спохватился:

— Ой, прости! Давай я поработаю, а ты пока отдохни.

«Эх, жалко...» Я оглянулся—учёные склонились над приборами и думали, думали, думали... Тётя Люся командовала электронной Машиной.

Я загляделся, как она красиво взмахивает руками, управляет послушными рычагами и кнопками. И вдруг ясно увидел внутри себя, как моя весёлая, добрая, храбрая Люся, одна, глубоко под водой, отбивает удары акульих кинжалов-зубов.

Так вот она какая, оказывается, тётя Люся! Что же. Я тоже буду отважным учёным. Всё знать и всё уметь—это так

хорошо! Но что она хмурится? А вдруг мы не откроем дельфинью тайну? И так навсегда и останется—мы сами по себе, а дельфины—сами по себе?

Как там наша Машина?! Разобралась или нет?

— Смотрите!—вдруг радостно взмахнула тётя Люся сверкающим листом зазвеневшей бумаги. Посреди листа блистал причудливый цветок. Умная электронная Машина нарисовала его из дельфиньего звука. Что это?

— Смотрите и слушайте!

Мы посмотрели на экран телевизора: там снова, уж в десятый раз подряд, бежали кадры нашего научного кинофильма про меня и про Алё. И снова увидел я себя, увидел протянутую к дельфину ладошку. Увидел, как ласт Али тоже дрогнул и шевельнулся. И в этот миг раздался странный, дрожащий голос дельфина...

— Вот из этого дрожащего звука нарисовала Машина свой прекрасный цветок!—сказала тётя Люся.—Быть может, этот цветок, этот звук—есть дельфиний сигнал встречи с человеком? Что-нибудь вроде «здравствуй!»

— А может быть, это просто случайный какой-то звук?—упрямо возразил дядя Чёрная борода.

Эх, всё-то он всегда портит, этот ворчливый дядя! Нет, пусть это будет сигнал, как наше «ЗДРАВСТВУЙ!»! Самое красивое, самое главное на свете слово. И пусть мы поняли его и поймём другие дельфиньи звуки. И станем друзьями!

Для старшего дошкольного возраста

Александр Михайлович Михайлов
КАК Я ПОДРУЖИЛСЯ С ДЕЛЬФИНОМ

Художник В. Высоцкий

Редактор Н. Сендерова. Художественный редактор Л. Розова. Технический редактор Н. Житенёва. Корректор Н. Шадрин.
Сдано в производство 10/X-73 г. Подписано в печать 27/11-74 г. Бумага офсетная № 1. Формат 84×108 $\frac{1}{4}$.
Печ. л. 2,0. Усл. печ. л. 3,4. Уч.-изд. л. 2,94. Тираж 150 000. Изд. № 657. Заказ № 677. Издательство «Малыш». Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Калининский полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росгизполиграфпрома Госкомиздати СМ РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

М 70 801—057
М102(03)—74 57—74